

Формирование политико-цивилизационной идентичности Дагестана в ситуации конфликта идентичностей

Алибегиллов Шамиль Абдулаевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Соискатель

Волков Виталий Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры государственного и муниципального управления
Доктор политических наук, профессор
volkov-va@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье обсуждается формирование политико-цивилизационной идентичности Дагестана в контексте цивилизационной идентичности России. На фоне борьбы двух цивилизационных проектов России — европейского и евразийского, в Дагестане происходит противостояние и с исламским цивилизационным проектом. Конфликт цивилизационных проектов лежит в основе кризиса политической идентичности Дагестана.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политико-цивилизационная идентичность, цивилизационный проект, этнонационализм, неолархаика, Российская евразийская цивилизация, государственная политика

Alybegilov Sh. A., Volkov V. A.

Formation of Political and Civilization Identity of Dagestan in a Terms of the Conflict of Identities

Alybegilov Shamil Abdulaevich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Competitor of the PhD degree

Volkov Vitaly Aleksandrovich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of State and municipal management
Doctor of Science (Political science), Professor
volkov-va@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

The article discusses the formation of political and civilizational identity, Dagestan in the context of civilization identity of Russia. Against the background of the struggle of two civilization projects Russia-European and Eurasian in Dagestan comes opposition and with the Islamic civilizational project. Conflict civilizational projects lies in the heart of the crisis of political identity, Dagestan.

KEYWORDS

political and civilizational identity, civilizational project, ethno-nationalism, neolarhaika, Russian Eurasian civilization, public policy

Центральным содержанием политической идентичности является отношение к Другому, к различию: свои — чужие; друзья — враги. Это вопрос об идентичности на разных уровнях от этничности до цивилизации. Определения этих противополо-

ложностей в публичной сфере политизируют те или иные уровни идентичности. В ситуации нормального развития общества политическим доминирующим является только один уровень идентичности. В условиях кризиса политизируются и переплетаются в разной степени конфликтности различные уровни идентичности.

Цивилизационная идентичность является высшей формой коллективной идентичности, и она, в конечном счете, определяет и другие уровни идентичности. С другой стороны, она сама подвергается влиянию более низких уровней идентичности. «Политическая глобализация значительно упростила механизмы агрегирования межэтнического конфликта, поскольку, с одной стороны, сделала доступным для субъектов конфликта международные ресурсы, а с другой — расширила круг участников конфликта за счет реализации интересов не только супердержав современного мира, но и соседних государств» [5, с. 6]. Определение своей цивилизационной идентичности это, по сути, вопрос цивилизационного выбора.

Какова цивилизационная идентичность Дагестана? Ответ на этот вопрос приходит через выбор этнической идентичности Дагестана, через выбор идентичности народов Дагестана, через национально-государственный выбор Дагестана. По существу, проблема цивилизационной идентичности Дагестана определена двумя большими блоками противоречий. Первый блок противоречий относится к вопросу цивилизационной идентичности всей России. Современная Россия есть поле борьбы между силами, определяющими Россию как периферийную часть западной капиталистической цивилизации, и силами, определяющими Россию как самостоятельную евразийскую модернизирующуюся цивилизацию, не определяемую логикой Западного капитализма.

Западная цивилизация охотно приветствует стремление самых разных государств стать частью Западной цивилизации, но только в качестве периферии, поскольку современная мир-экономика капитализма строится на модели: ядро — полупериферия — периферия [3]. Ядро невозможно без периферии как пространства конкурентных преимуществ и реализации господства развитых стран. Странам Запада нужны рынки сбыта, рынки дешевой рабочей силы, сырьевые ресурсы, места складирования экологических отходов. Втягивание в зону своего влияния, контроль за ресурсами в ситуации их ограниченности осуществляются комплексом инструментов широкого диапазона — от навязывания чуждых цивилизационных кодов до военно-политического доминирования, результатом применения которых становится управляемый хаос на периферийных пространствах.

Часть национальных элит периферийных государств, в обмен на статус транснациональных элит, архаизирует национальное государство в пользу ядра западной цивилизации. «Запад целенаправленно убирает с мировой арены вполне светские режимы, заменяя их на архаические. Архаичные страны не претендуют на долю в глобальном ресурсном пироге, политика архаичных стран обращена вовнутрь, а не вовне» [4, с. 92]. Вследствие этого процессы вестернизации и архаизации идут рука об руку.

Политические силы, рассматривающие Россию как самостоятельную евразийскую цивилизацию, направляют усилия на восстановление и модернизацию социально-экономических структур, армии, национальной безопасности, духовных ценностей, которые обеспечат самодостаточное цивилизационное развитие общества. Доминирование этатистской составляющей в модернизационных процессах делает возможным задействование потенциала предыдущих этапов развития России. Попытка построения некапиталистического альтернативного пути развития Евразии определяла всю историю XX в. Современное российское многоукладное общество тоже нельзя назвать в полном смысле капиталистическим. Отношение традиционного общества и гражданского (буржуазного) общества нельзя рассматривать в этом контексте как стадии и ступени развития общества. Если Западная цивилизационная

идентичность строится на отрицании традиционного общества в пользу гражданского (буржуазного) общества независимых индивидов, то Российская цивилизационная идентичность основывается на модернизации традиционного общества, на базе сохранения ансамбля общественных связей человека, прежде всего с семьей.

Это противостояние двух разнонаправленных векторов цивилизационной идентичности пронизывает все структуры и регионы российского общества.

Второй блок противоречий относится собственно к особенностям идентичности Дагестана и Северного Кавказа. Здесь происходит противоборство между религиозной идентичностью исламской цивилизации арабского Востока и надрелигиозной поликонфессиональной идентичностью Российской цивилизации. Находясь длительное время под влиянием арабской культуры, Дагестан является не только «страной гор», но и центром учености и распространения ислама на весь Северный Кавказ. С другой стороны, развитие религиозных учреждений и традиций, взаимодействие с другими религиями, государственными и политическими структурами сформировали свои особенности в понимании Дагестанским обществом своей цивилизационной идентичности, не определяемой исключительно религией. Три разнонаправленных вектора цивилизационной идентичности: западно-неоархаический, российский, исламский, требующие более подробного рассмотрения, определяют особенности ситуации в Дагестане. Причем необходимо заметить, что только российский вектор цивилизационной идентичности несет в себе потенциал модернизации, поскольку именно Россия развивалась альтернативно Западной цивилизации как модернизационный проект.

На протяжении XX в. Дагестан развивался в рамках единого органического процесса становления Советской цивилизации. В постсоветский период ослабление российской государственности актуализировало и политизировало целый веер идентичностей, которые в предыдущий период отходили на второй план. Политизация идентичностей происходит, прежде всего, через переход в сферу публичности реальных и сконструированных, латентных конфликтов. Если внутренняя социально-экономическая политика советского периода ориентировалась на выравнивание уровня развития регионов, то 90-е годы XX в. характеризовались падением и дезорганизацией промышленного производства по всей России. Это сопровождалось ускоренным разрывом в уровнях социально-экономического состояния различных регионов. В Дагестане падение уровня жизни и экономики было более значительным по сравнению с центральными регионами России. Переход к рыночным механизмам обернулся распадом индустриального сектора экономики Дагестана, увеличению ее сырьевой составляющей. Росла теневая экономика на основе мелкотоварного производства. Сельское население, горные районы имели тенденцию возвращения к натуральному хозяйству.

В этой ситуации включились социальные механизмы, которые позволяли компенсировать разрушение существовавших социально-экономических и управленческих структур. Происходит возврат к архаичным и традиционным структурам, позволяющим на своем уровне воспроизвести целостность общественных связей в Дагестане. Возрождение этнической политической идентичности давало, казалось бы, надежный фундамент для самоидентификации и, в то же время, приводило к этническим конфликтам. «Политизированная этничность представляет собой результат структурной перестройки этнической идентичности, ее особое состояние, характеризующееся повышенной сосредоточенностью членов этнической группы на ценностях, ориентированных на достижение политически значимых статусно-институциональных переменных социальной системы полиэтничного общества» [5, с. 16].

Процессы модернизации, урбанизации, миграции неизбежно ведут к унифицированным стандартам жизни молодежи, индустриальных рабочих, интеллигенции. Это, в свою очередь, провоцирует искусственный процесс отделения этнических

общин от традиционных мест проживания, при одновременных требованиях политико-юридически признать идентичность, основанную на этнической принадлежности. А. П. Садохин предложил оригинальную типологию этнической идентичности: нормальная идентичность, этноцентрическая идентичность, этнодоминирующая идентичность, этнический фанатизм, этническая индифферентность, этнонигилизм в форме космополитизма, амбивалентная идентичность [6, с. 154–155]. Политизация этнической идентичности начинается уже в форме этноцентрической идентичности. Она возникает на фоне борьбы за право этничности на выражение своей особенности, за право индивида на выражение своей этничности. Конфликтный потенциал таких стереотипов поведения приводит к позиции этнодоминирующей идентичности, а затем и этнического фанатизма.

Актуализация этнонационализма создавала почву для сепаратистских тенденций, религиозного фундаментализма. С точки зрения А.-Н. З. Дибирова, Дагестан переживает стадию кризиса традиционного общества. Традиционная идентичность дагестанского народа утрачивает единство. В обществе возникают разнонаправленные движения. «Кризис традиционного общества сопровождается охранительным авторитаризмом и архаизацией обычно в тех условиях, когда обществу не предложена целостная идеология модернизации, воспринятая большинством населения страны и легитимирующая тем самым временные ограничения демократии в целях сохранения национальной государственности» [4, с. 93].

Логика движения к неорархаике в инструменталистском понимании, делает политически значимой этническую идентичность, актуализируемую этнократическими элитами на основе родов и кланов. Инструментализм понимает этническую идентичность как возрожденный, сконструированный инструмент этнократических элит. Среди коренных этносов возникает конкуренция за первенство. Вопрос национального представительства во власти является именно инструментом борьбы за власть и в то же время ее архаизирует. Национальные квоты лишь иллюзорно решают проблему справедливого представительства во власти. Тем не менее механизм пропорционального представительства этносов во власти является важным механизмом снятия межэтнических напряжений, но он же и консервирует этноцентризм. «Фактически действует принцип равенства не индивидов, а этнических групп, каждая из которых гарантированно представлена во властных органах в соответствии со своей долей в населении республики» [7, с. 94]. Четырнадцать конституционных этносов претендуют на свое представительство во властных структурах Дагестана. Согласно Конституции Республики Дагестан от 26 июля 1994 г. Государственный Совет Республики Дагестан состоял из 14 человек и формировался Конституционным Собранием Республики Дагестан. В состав Государственного Совета Республики Дагестан, который выполнял роль коллективного Президента, входили Председатель Государственного Совета Республики Дагестан, Председатель Правительства Республики Дагестан в качестве первого заместителя Председателя Государственного Совета и другие лица, избранные Конституционным Собранием Республики Дагестан с учетом многонационального состава населения республики¹. Эта норма не соответствовала конституционным принципам Российской Федерации и была упразднена в следующей конституции Дагестана.

В Конституции Республики Дагестан от 2003 г. ст. 60 никак не подчеркивает этнический компонент: «Народное Собрание Республики Дагестан состоит из 72 депутатов. Народное Собрание Республики Дагестан избирается сроком на 4 года. Порядок избрания депутатов Народного Собрания Республики Дагестан определяется законом Республики Дагестан»². Интересно, что при этом изменения в типе

¹ Конституция Республики Дагестан. Махачкала, 1994.

² Конституция Республики Дагестан. Махачкала, 2003.

избирательной системы, в партийном законодательстве, не отражаются на этническом представительстве во власти.

Полиэтничность Дагестана, как ни парадоксально, является механизмом, обеспечивающим устойчивость и стабильность республики. Множественность этносов не позволяет одному из них добиться серьезных преимуществ за счет других. Каждый этнос ввиду своей внутренней полиэтничности дублирует общую ситуацию и блокирует радикальные центробежные тенденции.

С другой стороны, доминирующие элиты стремятся утвердить власть в форме охранительного авторитаризма, опирающегося на единство идентичности дагестанского народа. Дагестанское общество претерпевает кризис своей идентичности. Как и все российское общество, Дагестан в XX в. находился в фазе активной модернизации традиционного общества на основе единой особенной советской цивилизационной общности. В постсоветский период происходит глобальная попытка разрушения и замены евразийского цивилизационного кода на Европейский цивилизационный код, базирующийся на доминанте гражданского общества, отрицающего ценности, способ жизни и хозяйствования традиционного общества. Вследствие этого дагестанское общество, находящееся на сравнительно ранней стадии модернизации своего традиционного общества, переживает раскол, приведший к двойственности идентичности.

Властная элита Дагестана выстраивает идентичность гражданской нации в рамках национальной политики субъекта Российской Федерации. Неустоявшаяся терминология отражает и реальные трудности выстраивания этой политики. Конфликтотенный потенциал выражается в политизации и национальной идентичности. Во-первых, выстраивается конфликтный потенциал по оси нация — этнос, или в других терминах: гражданская нация — этнонации. Во-вторых, по оси нации — нации. В-третьих, по оси цивилизация — религия.

В первом случае правящая элита формирует политику от лица нации в отношении остальных этнонаций как меньшинств. В этой ситуации может наблюдаться отток русского населения из республики, а также передел власти между представителями различных этнонаций. Мобилизованная этничность отдельной группы стремится к легитимации своего республиканского социально-политического статуса. Таким образом, политическая оппозиция гражданской нации и этнонации не позволяет одну идентичность считать политической, а другую идентичность частной сферой.

Во втором случае выбор идентичности дагестанской нации неизбежно приводит к обсуждению атрибутов государственности одной нации по отношению к другим нациям и проблемам федерализма. Политизация этой оси воспроизводит коллизии 90-х годов XX в. в вопросах суверенитета, федеративного договора, территориальных претензий. Выдвижение на первый план национальной идентичности, придание ей характера политической идентичности неизбежно проблематизирует государственную и гражданскую идентичность, порождает ресурсный экономический национализм. Это измерение чревато проблемами сепаратизма. Раздробленность и рыхлость государственной власти станет неизбежной ценой политико-национальной идентичности. Та же самая проблема может быть повернута в глубь Дагестана, когда взаимоотношения между народами или этнонациями Дагестана доводятся до требований федерализации республики.

В третьем случае Дагестан стоит перед цивилизационным выбором. Российская цивилизация, решая вопросы своей идентичности, выдвигала два тезиса. Россия — это Европа. Россия — это Россия, Евразия. Дагестан, находясь в пространстве России, имеет перед собой те же варианты. Интересы европейского выбора поддерживают либерально настроенные круги интеллигенции и бизнесменов. В фокусе их рассмотрения находится проблематика прав человека, правозащитная деятельность, условия защиты и ведения бизнеса, собственности. Российско-евразийская

идентичность воплощается в деятельности республиканских политиков, концентрирующихся на проблемах управляемости в республике, городского индустриального населения, научно-технической интеллигенции, работников просвещения и здравоохранения, озабоченных восстановлением общего социально-экономического пространства. Интересы и потребности городского экономически активного населения выходят за рамки традиционного образа жизни, своей культуры, языка.

В то же время перед Дагестаном стоит и специфическая альтернатива. С одной стороны, в Дагестане существуют давние традиции исламской религии, обращающей его к исламской цивилизационной идентичности, с другой стороны, в свете современных культурных синтезов, ислам в Дагестане играет свою особую роль и имеет свое институциональное своеобразие. На территории Дагестана исповедуют три мировые религии: ислам, христианство и иудаизм. Ислам как религия, в свою очередь, неоднороден, и требуется специальное рассмотрение его значения в Дагестане.

Свое распространение в Дагестане ислам начинает в конце VII в. Сначала он проникает в южные регионы и распространяется на равнине. В горных районах ислам появляется в VIII в. Господствующей религией в Дагестане он становится только к XIV в.

Ислам как мировая религия основан Пророком Мухаммедом и возникает в начале VII в. в Мекке, Западная Аравия. Уже к середине века образуются две ветви ислама — сунниты и шииты. Шииты являются последователями двоюродного брата Пророка Али ибн абу-Талиба, считающие, что власть над всеми мусульманами дается через божественное произволение потомкам Али (шииты — от ши ит Али — сторонники Али). Сунниты (от сунна — обычай) считают, что халифа избирает умма — собрание правоверных из числа потомков племени Курайш, к которому принадлежал Пророк. Несмотря на то, что к суннитам принадлежит большинство мусульман, история ислама наполнена жестоким противоборством двух ветвей.

Традиционной формой ислама в Дагестане является тарикатизм (тарикаты — суфийские ордена), представленный через тарикаты накшбандийа, кадирийа и шазалийа. До 1941 г. ислам в Дагестане испытывал огромное давление государства. Были закрыты все мечети и медресе. Муфтии — духовные авторитеты в знании шариата — были посажены в лагеря или высланы из республики. К концу войны положение существенно меняется и в 1944 г. было создано Духовное управление мусульман Северного Кавказа во главе с муфтием.

ДУМСК не является институциональным органом, присущим исламу. «Нельзя путать муфтиев — высших авторитетов в области шариата, ведущих свое происхождение от Арабского халифата, и муфтияты, созданные для контроля над мусульманами в Российской империи XVIII–XIX веков, от Екатерины II до Александра II, и воссозданные И. Сталиным в конце Второй мировой войны» [1, с. 167]. В царской России муфтияты были государственными учреждениями, а в Советском Союзе — общественными организациями. Таким образом государство пыталось институализировать свои отношения с религиозными конфессиями посредством достраивания необходимых структур в среде самих исповедующих ислам.

«Играя роль духовного суда, ДУМСК собирало милостыню-закят и выпускало *фетвы-разъяснения* по вопросам *шариата*, регистрировало мечети и их имамов, помогало государству бороться с нелегальными кораническими кружками (*худжра*) и суфийскими общинами («*мюридизмом*»), участвовало в борьбе СССР против капиталистического лагеря» [1, с. 168]. Во времена Советского Союза происходит значительная структурная трансформация ислама на Кавказе. В начале XX в. языком ислама был арабский язык, и все постановления, разъяснения распространялись на арабском языке. Конец XX в. показал, что основным языком обучения, распространения, общения в мусульманских общинах становится русский.

С конца 80-х годов XX в. начался процесс развала религиозных организаций. Они уже не были способны к единой управленческой деятельности в ситуации политизации религиозных отношений. Создание политических мусульманских движений, политических исламских партий создавало пространство хаоса, в котором управленческие структуры не могли существовать. Эта же участь постигла и ДУМСК. На его месте возникло Духовное Управление Мусульман Дагестана (ДУМД), которое получило поддержку со стороны государства и признано властями республики Дагестан в качестве общественной организации, регулирующей организацию религиозной жизни мусульман. Девяностые годы XX в. сопровождались бурными процессами создания политико-религиозных организаций, исламских движений и политических партий. К середине 90-х годов количество мусульманских партий и движений подходило к двумстам. Были созданы Исламская партия возрождения, Исламско-демократическая партия Дагестана, Аварский народный фронт им. Имама Шамиля, Союз мусульман России и др. В рамках этих многочисленных движений декларировалась исламская идентичность, которая объективно несла сепаратистский заряд. Политизация ислама с ориентацией на арабский Восток имела четкие цели в объединении Северо-Кавказских республик в единое исламское государство вне границ России. Вместе с тем она не нашла широкой поддержки во всех кругах Дагестана, и деятельность этих партий к концу девяностых годов сошла на нет.

В руководящих кругах Дагестана религия воспринималась больше как народная традиция, а не как форма цивилизационной идентичности. В ФЗ от 26.09.1997 № 125 «О свободе совести и религиозных объединениях» традиционный ислам рассматривается как традиционная для России конфессия. Религиозная жизнь сегодня не носит политического характера, и «в республике функционируют 2486 исламских объединений: 1290 джума-мечетей, 827 квартальных мечетей (в том числе 9 шиитских центральных и 10 квартальных мечетей), 273 молитвенных дома, 13 вузов, 79 медресе, 2 культурно-просветительских центра, Союз исламской молодежи, а также Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД)» [2, с. 82].

В противоположность традиционному исламу на Кавказе возникает диссидентское течение, ориентирующееся на исламскую цивилизационную идентичность — ваххабиты. Ваххабиты являются последователями Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, реформатора из Аравии XVIII в. «Сами они называют себя „братьями“ (араб. ихван) или общиной истинных мусульман, следующих заветам „праведных предков“ (араб. ас-салаф ас-салихун) времен пророка Мухаммеда, откуда возникло еще одно название движения — салафиты» [2, с. 170]. Ваххабиты подобно протестантам провозглашают возвращение к истинным истокам учения, очищенным от позднейших наслоений и разделений. Они противостоят суфийской традиции (тарикатизм), характерной для Дагестана. Деление на суннизм и шиизм ими также отрицается. Происхождение ваххабизма связывают с арабским идеологическим и финансовым влиянием на Дагестан. Радикализация ваххабизма определена в политической плоскости ориентацией на сепаратистский сценарий развития движения. Вооруженная борьба в защиту веры становится основой распространения ваххабизма. К ваххабизму примкнули многие чеченские боевики и сепаратисты. «Зловещий вулкан ваххабитской активности дал первый выброс лавы в 1999 г., обрушившись на Цумадинский, Ботлихский и, особенно, Новолакский районы Дагестана» [2, с. 86].

Ваххабизм и тарикатизм несут в себе различный цивилизационный потенциал. Тарикатский традиционный ислам вписан в современную структуру дагестанской элиты и может выступать на стороне одной из доминирующих или оппозиционных групп этнонациональных групп. Традиционный ислам Дагестана развивается в рамках пространства российской цивилизационной идентичности, сопрягаясь с особенностями течений ислама в Татарстане и других российских республиках, межконфес-

сионального общения с православием и иудаизмом. Иногда он позиционируется как российская версия ислама. Ваххабизм отрицает всю систему сложившихся в Дагестане социальных сил и противоборств и представляет крайние антисистемные силы. Ваххабиты или салафиты остаются средой, в которой молодежь Дагестана получает упрощенные представления об исламе, национальных традициях мусульман и является поставщиком новобранцев для террористических организаций и ИГИЛ.

Таким образом, различные направления ислама в Дагестане приобретали политическую форму и пытались по-своему влиять на идентичность Дагестана. Вместе с тем это не породило серьезных центробежных тенденций и к отказу от традиционной толерантности в республике. В ситуации кризиса идентичности, противостояние российской цивилизации и исламской цивилизации, российской цивилизации и европейской цивилизации, формирует политико-цивилизационную российскую идентичность в борьбе с маргинальным экстремистским ваххабизмом, воплощающим исламский цивилизационный проект и с оппозиционно-диссидентским либерализмом, воплощающим европейский цивилизационный проект.

Литература

1. Бобровников В. «Исламское возрождение» в Дагестане: 20 лет спустя // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 2 (50). С. 161–172.
2. Буттаева А. Ислам в поликонфессиональном пространстве современного Дагестана // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. Вып. 1. С. 79–92.
3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общ. ред. канд. полит. наук Б. Ю. Кагарлицкого. СПб. : Университетская книга, 2001.
4. Дибиров А.-Н. З. Дагестан сегодня: архаизация, или затянувшийся кризис традиционного общества // Исламоведение. 2014. № 1. С. 91–98.
5. Киноян О. В. Политизация этнической идентичности как фактор мобилизации этнических групп в условиях конфликта: автореф. дисс. канд. полит. наук. Ставрополь, 2009.
6. Садохин А. П. Этнология. М., 2006.
7. Салгириев А. Р. Структура политической элиты в полиэтничных республиках Северного Кавказа // Вестник РУДН. Серия Политология. 2015. № 2. С. 83–89.

References

1. Bobrovnikov V. «Islamic revival» in Dagestan: 20 years later [«Islamskoe vozrozhdenie» v Dagestane: 20 let spustya] // Central Asia and Caucasus [Tsentral'naya Aziya i Kavkaz]. 2007. № 2(50). P. 161–172. (rus)
2. Buttayeva A. *Islam in polyconfessional space of modern Dagestan* [Islam v polikonfessional'nom prostranstve sovremennogo Dagestana] // Central Asia and the Caucasus [Tsentral'naya Aziya i Kavkaz]. 2012. V. 15. Release 1. P. 79–92. (rus)
3. Wallerstein I. *World-Systems Analysis and a situation in the modern world* [Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire] / Translation from English P.M. Kuduykin; under a general edition of B. Yu. Kagarlitsky. SPb. : University book [Universitetskaya kniga], 2001. 416 p. (rus)
4. Dibirov A.-N. Z. *Dagestan today: archaization, or prolonged crisis of traditional society* [Dagestan segodnya: arkhazatsiya, ili zatyanyuvshiiysya krizis traditsionnogo obshchestva] // Islamic studies [Islamovedenie]. 2014. № 1. P. 91–98. (rus)
5. Kinoyan O.V. *Politization of ethnic identity as a factor of mobilization of ethnic groups in the conditions of the conflict* [Politizatsiya etnicheskoi identichnosti kak faktor mobilizatsii etnicheskikh grupp v usloviyakh konflikta]. Dissertation abstract. Stavropol, 2009. 26 p. (rus)
6. Sadokhin A.P. *Ethnology* [Etnologiya]. M., 2006. 287 p. (rus)
7. Salgiriyeu A.R. *Structure of political elite in the polyethnic republics of the North Caucasus* [Struktura politicheskoi elity v polietnichnykh respublikakh Severnogo Kavkaza] // RUDN Bulletin, series: Political science [Vestnik RUDN, seriya Politologiya]. 2015. № 2. P. 83–89. (rus)